

Без грима

Почему судьба испытывает новосибирцев?

— Не знаю, я много думал об этом. Не приживаются они, не умеют «устраиваться». Наша новосибирская девочка — Света Переладова — стала одной из ведущих актрис Вахтанговского театра. И недавно умерла в коммуналке. Ее нашли через несколько дней после смерти...

У нас был очень сильный курс. Всех расхватывали по театрам. Женя Симонова, Лена Ярмольник, Стас Жданько. И показывались мы курсом. Стаса взяли в Вахтанговский, а меня нет. Евгений Рубенович Симонов вызвал меня и сказал: «Юра, вы вахтанговец, это несомненно, но у меня в театре смена поколений, могу дать работу только через пять-шесть лет. Сейчас ничего не обещаю». Я ему был очень благодарен за эту честность. Может быть, и хорошо, что я не попал в Вахтанговский. А поначалу очень переживал. Помню один вечер, когда ко мне зашел Стас, я ему очень хорошо говорил о Сатире — работы интересной действительно у меня сразу появилось много. А его положение в Вахтанговском было не из лучших. Он в основном снимался. В тот вечер Стас ждал Валю Малявину, рассказывал мне о дикой любви к ней. Она действительно зашла за ним через несколько часов. Через день Стаса не стало. До сих пор неизвестно, что там произошло.

Так что с земляками моими действительно происходит в Москве что-то неладное. Со мной по-другому (стучит по дереву), может быть, потому, что я более подготовлен к московским хитросплетениям.

— Кто ваши родители?

— Мама у меня окончила во время войны Новосибирское театральное училище. Вообще, как ни странно, Новосибирску очень «помогла» война. Туда были эвакуированы заводы, предприятия, Третьяковская галерея, театры — в частности, ленинградский Пушкинский театр, с Николаем Симоновым. Мама рас-

...Отчего-то новосибирцы не могут прижиться в Москве. Болтнев, Солоницын, Жданько, Переладова — все ушли в возрасте далеко от старости.

Юрий Васильев — счастливое исключение. Народный артист России (один из самых молодых в драматическом театре), лауреат всевозможных конкурсов, любимец режиссеров и публики. При том что судьба тоже пробовала на нем самые каверзные свои сюжеты.

вернуться. Жена и дочка полетели и разбились. И вот маму повели опознавать трупы. Из морга она вышла с седой прядью.

А папа был художником. Учился в Москве, занимался в студии при МХАТе, у Прудкина, и решал вопрос, кем он будет — художником или актером. Когда он вернулся в Новосибирск, началась война. Первую медаль и первую контузию получил под Ленинградом. Его определили в отдел особой важности. Он был картографом. Сидел с Рокоссовским, при нем два автоматчика — в плен он попасть не имел права: его должны были либо пристрелить свои, либо защищать до последнего. Я про него написал реферат в школе. Тогда ведь можно было писать только про Гастелло или Матросова. А я про отца. У него были медали за взятие Кенигсберга, орден Красной Звезды за то, что вынес командира. Когда отец пришел с войны, он отбил мать у всех ухажеров, и они расписались. Мы были очень близки с ним, даже всегда знали, о чем мы молчим...

— Никогда не было между вами «поколенческих» споров?

— Были, и еще какие! Отец ведь был коммунистом, правда, от партии никогда не имел ничего, кроме неприятностей.

А на мне не могли не сказаться демократические идеи, точнее, демократическая схоластика. В девяносто третьем те, кто громил Останкино, нам орали: «Следующие вы». Стреляли по окнам гримерок. Мы тогда гримировались в коридорах. Играли без антракта, в зале от силы человек сто. И я написал отцу письмо: и это твои коммунисты?! Он страшно переживал из-за наших размолвок на этой почве. А потом я увидел, что он во многом прав. Жизнь изменилась, отношение к жизни. В 75-летие отца я извинился перед ним. Хорошо, что успел...

У меня благодаря отцу, маме столько счастливых воспоминаний... На моих глазах, например, возникал новосибирский Академгородок.

...Городок этот в то время был совершенно открытой зоной. В том смысле, что двери в нем никогда не запирались: кого бояться, все свои. В квартире — никакой лишней мебели. Когда рождались дети, их выносили на балконы — закалять. Потом эти дети вместе росли, дружили десятилетиями, справляли праздники. Соседом за столом мог оказаться нобелевский лауреат. В квартире академика Лаврентьева играли в футбол, пока родители смотрели американские фильмы в клубе «Юность». Магнитофон «Нота» с полузапретными Высоцким, Окуджавой и совершенно запретным Галичем. Новый год встречали в лесу. Занимались альпинизмом, лыжами, хоккеем.

А Юра еще и рисованием, пением, игрой на аккордеоне и скрипке в консерватории. Ходил с подушкой, бабочкой, отец привез ему из Москвы восьмушку. Когда появились вокально-инструментальные ансамбли, пел в одном из них. Был комсомольским лидером. В восьмом классе начал заниматься в студии ТЮЗа. Однажды ему попала книга о Жераре Филипе. Возможно, это и решило судьбу. Поступить решил только в Шукшинское училище. Приехал в белом костюме, в шляпе с портретом Жерара Филипа.

1972 год, жара, вся Москва в дыму от торфяных пожаров. В училище конкурс 277 человек на место — это был пик популярности театральных вузов. Прямо с самолета на конкурс. И сразу прошел на третий тур. А к вечеру от перенапряжения поднялась температура под сорок. Через два дня почти в бреду, ничего не видя и не слыша, добрался до «Щуки». Пекло, толкотня, огромная очередь. В комиссии: Захава, Этуш, Ставская, Катин-Ярцев. Читал в половине первого ночи. Как и что — не помнил. Потом сказали, что за него два раза переголосовывали. Взяли на курс к Катину-Ярцеву.

— Я одержимо учился. Не пил, не загуливал — только дело, только профессия. Сейчас это может показаться наивным, но вот представьте: перед экзаменами всегда старался прикоснуться к колоннам Вахтанговского театра. В трудные минуты смотрел «Турандот» — я видел все составы этого спектакля, раз пятьдесят точно смотрел. Застал еще Гриценко, Плотникова.

— А с чем показывались в театры?

— У нас был дипломный спектакль — «Три мушкетера». Я, естественно, мечтал о д'Артаньяне. А мне дали Бэкингема. Переживал страшно. А получилось так, что с моим Бэкингом меня брали чуть ли не во все театры. Маяковская, Малая Бронная, Таганка, Станиславского и т.д. Я решил идти в Сатиру. Мне сказали, что я очень понравился Плучеку. И получилось так, что в первый же год я сыграл шесть ролей. Потом мне дали роль Дамиса у великого французского

В кинофильме «Соловей»

С Анатолием Папановым в спектакле «Бег»

Как
ЭТО
делает
Васильев

сказывала, как Симонов величественно ходил по городу.

Мама была одной из самых красивых женщин Новосибирска. Но с четырнадцати лет у нее была белоснежная прядь, седая, после того как ее сестра с годовалой дочкой разбились на самолете. Это детективная история. Муж сестры был конструктором военных самолетов. Его вызвали в командировку, в Москву, и они поехали вместе. А когда возвращались, уже на трапе, при посадке, ему приказали